

1908 г.

№ 3-й.

ВОПРОСЫ ПСИХИЗМА

и

СПИРИТУАЛИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЬ.

МОСКВА
ТИПОГРАФИЯ К. Л. МЕНЬШОВА,
Арбатъ, Никольскій пер., домъ № 31.
1908.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
1) Символизмъ и метапсихическіе феномены. <i>Э. Бассано</i>	1
2) Новый институтъ въ С.-Петербургѣ. <i>П. Чистяковъ.</i>	7
3) О безсмертіи (<i>рефератъ Б. Тейхмюллера</i>).	9
4) Левитаціи медиума Цуккарини. <i>Проф. Мурони</i>	23

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Въ № 1.

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Слѣд. читать.</i>
31	сверху 16	отъ периферіи	изнутри

Въ № 2.

32	»	21	такбыи	такъ какъ былъ
33	»	15—16	сегодня возвра- стетъ	сегодня энтро- пія возрастаетъ
»	»	18—19	энергін	энтропіи
35	сверху	2	ученію	учету
»	снизу	10	знаніе	значеніе
36	сверху	20	процесса	процессу

Символизмъ и метапсихическіе феномены.

Эрнестъ Боссанъ.

(Переводъ съ франц. П. М. Лавровой).

Съ точки зрѣнія философской отвлеченной мысли все представляется символическимъ. Символичны показанія нашихъ органовъ чувствъ, символичны всѣ наши ощущенія, тогда какъ реальная сторона явленій и фактовъ скрывающаяся за этими ощущеніями остается намъ всегда неизвѣстной и, въ концѣ концовъ, сама наша рѣчь есть ни что иное какъ сокращенная условная форма грубаго первобытнаго начальнаго символизма звукоподражательнаго, графическаго и мимическаго. Искусство есть также облагороженный родъ символизма, созданный для пополненія недостатковъ нашего языка. Облечь мысль въ символическіе образы, способные передать читателю оттѣнки чувствъ и стремленій, инымъ путемъ не передаваемыхъ, вотъ назначеніе истинной высокой поэзіи. Пластическія искусства стремятся точно такъ же съ помощью воспроизводящихъ символовъ объектировать на мраморъ и полотно состоянія души или впечатлѣнія среды, которыя не могутъ быть переданы въ совершенствѣ обычными формами выраженія (словеснаго). Наконецъ самый высокій символизмъ это—музыка; она переводитъ интуиціи и порывы души на языкъ гармоническихъ вибрацій, она

есть откровеніе, такъ какъ передаетъ состоянія души, находящійся въ созвучьи съ сверхчувственной реальностью. Все перечисленное имѣетъ цѣлью напомнить, что съ вышеуказанной точки зрѣнія „психей“—человѣческая душа— существуетъ и выражается цѣлымъ міромъ представленій чисто символическихъ; а слѣдовательно трактовать о такомъ обширномъ предметѣ по отношенію ко всѣмъ метампсихическимъ манифестаціямъ, т. е. ко всѣмъ проявленіямъ „психей“ невозможно, и приходится ограничиться только той категоріей фактовъ, которые обыкновенно принято подразумѣвать подъ этимъ названіемъ. Это я и предполагаю сдѣлать въ настоящей-статьѣ; границы этой статьи, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, мы опредѣлимъ съ самаго начала, включая въ нее только тѣ случаи, которые могутъ считаться символическими въ самомъ тѣсномъ значеніи этого слова.

Итакъ названіемъ „манифестаціи метампсихического символизма“ опредѣляются тѣ случаи, въ которыхъ подсознательнымъ или медиумическимъ путемъ какая нибудь мысль выражается съ помощью галлюцинаторныхъ воспріятій, или идеографическихъ изображеній, или формуль рѣчи, отличныхъ отъ мысли, которую желаютъ передать, но способныхъ могущихъ ее внушить (эту мысль) условно или косвеннымъ образомъ. Другими словами метампсихическій символизмъ есть передача мысли черезъ посредство образовъ изображеній, но не воспроизведеній.

Чувственные пути, которыми манифестаціи метампсихического символизма выражаются во внѣ, предопредѣляются идіосинкразіями т. е. предрасположеніемъ и особенностями, свойственными каждому перципенту; идіосинкразіи эти представляютъ путь на которомъ метампсихическая манифестація встрѣтитъ наименьше сопротивленія. Такимъ образомъ одно и то же сублиминальное*) „послание“ или „сообщеніе“ у различныхъ медиумовъ объективируется различно: въ видѣ картины для медиума ви-

*) Сублиминальное—подсознательное.

дящаго; въ формѣ автоматизма идеографическаго или пишущаго для медиума моторнаго, въ формѣ акустической (т. е. звуковъ) для медиума слышащаго и, наконецъ, въ видѣ одновременныхъ галлюцинацій въ области всѣхъ этихъ различныхъ чувствъ у субъектовъ—медиумовъ—со смѣшанными способностями.

Равнымъ образомъ особыя, субъективныя, если можно такъ выразиться, и очень разнообразныя формы, въ которыхъ могутъ выражаться эти метапсихическія манифестаціи обусловливаются, въ большинствѣ случаевъ самопроизвольными ассоціаціями, характеръ которыхъ находится въ зависимости отъ степени интеллигентности, образованія, и воспитанія каждаго перципента, такъ же какъ и отъ его настроенія. Кромѣ того, несомнѣнно, вліяютъ предвзятые мнѣнія и суевѣрія, свойственныя той средѣ, въ которой субъектъ обычно вращается.

Существуютъ однако и другіе случаи, въ которыхъ эти символическія формы не только не появляются у перципента согласно уже извѣстнымъ психологическимъ законамъ ассоціацій по смежности и по сходству, а, наоборотъ, появляются въ его сознаніи независимо, какъ бы вызванныя подсознательной волей *sui generis*, или даже волей посторонней, иногда безсильной передать мысль иначе какъ только при помощи символовъ; но очень часто поступающей такъ преднамѣренно. Вотъ эти то случаи заслуживаютъ самаго большаго вниманія и подлежатъ самому тщательному изученію. Такъ какъ, число случаевъ подобнаго рода манифестацій безгранично, то классифицировать эти случаи по имѣющимся въ нихъ символамъ невозможно; слѣдовательно при изученіи случаевъ приходится придерживаться иной обще-принятой классификаціи въ метапсихическихъ феноменахъ интеллектуальнаго порядка, восходя отъ проявленій простыхъ къ проявленіямъ болѣе сложнымъ.

Въ моемъ перечнѣ для каждой категоріи я привожу только довольно ограниченное число случаевъ, сопровождаемая ихъ нѣкоторыми необходимыми комментаріями.

Случаи псевдо-символизма.

Прежде всего слѣдуетъ изложить нѣсколько специальныхъ случаевъ, которые хотя въ основѣ и разнятся отъ феноменовъ чистаго символизма, тѣмъ не менѣе легко могутъ быть съ ними смѣшаны. Въ этихъ случаяхъ зрительное представленіе субъекта является результатомъ не супер-нормальнаго (т. е. сверхъ-чувственнаго) воспріятія а *слѣдуетъ за воспріятіемъ чувственнымъ нормальнымъ* т. е. носить характеръ чисто галлюцинаторный; психическій же механизмъ, породившій этотъ феноменъ обуславливается, по всей вѣроятности аномальной (но отнюдь не патологической) совмѣстной дѣятельностью двухъ сенситивныхъ центровъ, предназначенныхъ функционировать раздѣльно и независимо другъ отъ друга.

Къ этой категоріи относятся феномены *цветнаго слышанія*, изслѣдованные Гальтономъ; о нихъ я говорить не буду, такъ какъ они слишкомъ извѣстны; приведу только аналогичный случай чрезвычайно любопытный и очень интересный *слышанія картиннаго*.

1-й случай. — Вотъ что рассказываетъ Миссъ Г. относительно впечатлѣній, испытываемыхъ ею при слушаніи одной музыкальной пьесы.

При звукахъ гобоя передо мной появляется бѣлая пирамида, или вѣрнѣе обелискъ съ остроконечной верхушкой, которая дѣлается болѣе острой, когда звуки усиливаются, и болѣе плоской, когда они затихаютъ. Когда звуки раздаются громко, форма обелиска представляется мнѣ твердой и рѣзко очерченной; по мѣрѣ того какъ они слабѣютъ форма дѣлается неопредѣленной, туманной паробразной. Цѣлая гамма віолончели, высокія ноты контрабаса, трубы, и тромбона, низкія ноты кларнета и скрипки представляются мнѣ чѣмъ то въ родѣ бѣлой ленты изъ волокнистаго матеріала. Звукъ корнетъ-а-пистона являетъ моему взору цѣлый рядъ круговъ — бѣлыхъ правильныхъ постепенно увеличивающихся и лежащихъ другъ на другѣ; чѣмъ интенсивнѣе звукъ, тѣмъ круги шире и отчетливѣе. Круги эти такъ же какъ и лента проходить предо мной въ горизонтальномъ направленіи, тогда какъ обелискъ наоборотъ какъ будто бы подвигается ко мнѣ своей вершиной.

Въ оркестрѣ, когда послѣ духовыхъ инструментовъ, начинаютъ одни скрипки, я часто, но не всегда, вижу нѣкоторое время, какъ будто мелкій дождь изъ пыли или песку бѣлаго и сверкающаго... Если же случайно партитура музыкальной пьесы мнѣ хорошо знакома, тогда эти различные эффекты нѣсколько предваряютъ звуки инструментовъ, съ которыми они ассоціируются, съ той только разницей, что пока звуки не раздаются, эти зрительныя впечатлѣнія кажутся слабыми и неопредѣленными. Иногда при длинномъ жалобномъ пассажѣ на гобоѣ, бѣлая верхушка обелиска, вертясь съ головокружительной быстротой приближается ко мнѣ такъ, что кажется сейчасъ меня поранить. Замѣчу при этомъ, что все сказанное мною отнюдь не есть символическое описаніе состоянія чисто ментальнаго, нѣтъ я *дѣйствительно вижу* обелискъ, ленту и круги. Всего чаще они представляются мнѣ висящими въ воздухѣ на пол-пути между оркестромъ и мной, и даютъ мнѣ очень интенсивное ощущеніе удовольствія... Недавно звуки корнетъ-а-пистона произвели на меня такое сильное впечатлѣніе, что вмѣсто того что бы слѣдовать одинъ за другимъ, образуя цѣпь, круги наполнили воздухъ, подобно снѣжнымъ хлопьямъ въ сильную мятель, мелькали они съ такой бѣшеной стремительностью, что у меня закружилась голова.

Мнѣ 26 лѣтъ съ половиной, я пользуюсь, и пользовалась всегда прекраснымъ здоровьемъ (Proceedings of the S. P. R., т. x, стр. 183).

2-й случай. — Подобнаго рода феномены происходятъ иногда передъ началомъ агоніи даже у лицъ, у которыхъ ихъ прежде никогда не бывало. Вотъ примѣръ образнаго мышленія при подобныхъ обстоятельствахъ.

Луиза Мишель знаменитая анархистка, перенесла сильнѣйшее воспаленіе легкихъ, жизнь ея висѣла на волоскѣ; (едва оправившись, она рассказала слѣдующее) вотъ что рассказала она тотчасъ по своемъ выздоровленіи Роберту Шавлѣ, редактору Gil Blas:

Приближеніе смерти даетъ всѣмъ чувствамъ организма необыкновенную чувствительность (чуткость) и напряженіе. И могу васъ завѣрить, что ни мои чувства, ни мои мозги не измѣнили мнѣ ни на одну минуту. Я наблюдала, изслѣдовала, отмѣчала и распредѣляла свои ощущенія, какъ терпѣливая, методическая наблюдательница, я такъ сказать анализировала мельчайшія подробности

моей агоніи. Въ эти минуты всѣ мои мысли принимали матеріальные образы; такъ русско-японская война представлялась мнѣ въ видѣ огромной лужи крови, которая безпрестанно поднимаясь доходила до меня. „Времена“, новые времена казались мнѣ сверкающими гребнями волнъ. Я прекрасно знаю, вы скажите, что я галлюцинирую и отнесете все на счетъ физическаго бреда. Но разувѣрьтесь, сознание мое до конца оставалось совершенно здоровымъ и яснымъ. Бреда у меня не было ни одной минуты, это вамъ могутъ свидѣтельствовать всѣ мои доктора. (*Revue d'Etudes psychiques*, 1904, ст. 227).

3-й случай. — Вотъ наконецъ примѣръ смѣшаннаго псевдо-символизма у особы высокаго ума и глубокой культуры:

Миссъ X.—(*Society for P. R.*), одаренная рѣдкими метапсихическими способностями, особенно касательно „кристалоскопіи“, пишетъ: „Даже цифры, если я ихъ слышу только, а не вижу,—ассоцируются во мнѣ съ музыкальными звуками, а эти послѣдніе, въ свою очередь, съ различными комбинаціями цвѣтовъ.“

Затѣмъ всѣ думы или воспоминанія, на которыя я сознательно направляю свою мысль, принимаютъ видимые образы и, во многихъ случаяхъ драматизируются, т. е. картины эти получаютъ жизнь и движеніе“. (*Proceedings of the S. P. R.*, XI, ст. 123).

Это послѣднее обстоятельство заставляеть уже предполагать, что работа подсознательнаго уже начинаетъ оказывать свое дѣйствіе, а вмѣстѣ съ ней появляются и реальные слѣды символизма. При настоящемъ состояніи нашихъ познаній по этому предмету, очень трудно съ точностью сказать гдѣ оканчивается феноменъ функциональной интерференціи между двумя сенситивными центрами т. е. можетъ быть въ сноскѣ есть объясненіе и гдѣ начинается настоящее дѣйствіе подсознательнаго. Какъ бы то не было случай Миссъ X. — послужить межуточнымъ звеномъ между первой и второй категоріей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Открытие Психо-Неврологического института въ С.-Петербургъ.

Въ С.-Пб. официально открытъ и вступилъ въ жизнь Психо-Неврологическій институтъ, уставъ котораго Высочайше утвержденъ 9 іюня 1907 года. Согласно § 1 устава институтъ является высшимъ учебнымъ и ученымъ учрежденіемъ, которое имѣетъ своею цѣлью „разработку и распространеніе знаній въ области психологіи и неврологіи, а также сосредѣльныхъ съ ними наукъ“.

Въ своей предсѣдательской рѣчи президентъ института, профессоръ В. М. Бехтеревъ, счелъ долгомъ выразить благодарность прежде всего Русскому Обществу нормальной и патологической психологіи которое выдѣлило изъ своей среды организаціонный комитетъ выработавшій уставъ института; затѣмъ тотъ же комитетъ помогъ привести въ исполненіе и мысль о собраніи средствъ на его устройство и созданіе института; такимъ образомъ, по словамъ профессора, Общество явилось истинною матерью новаго учрежденія.

Привѣтствуя съ своей стороны начало дѣятельности Психо-Неврологического института, какъ перваго въ своей области *высшаго учебнаго и ученаго* учрежденія, мы полагаемъ, что нѣкоторою долею благодарности учрежденіе это обязано еще другому обществу — а именно Русскому Обществу Экспериментальной Психологіи, которое было основано незабвенной памяти покойнымъ профессоромъ Н. П. Вагнеромъ и которое, затѣмъ, приблизительно лѣтъ пятнадцать тому назадъ было преобразовано въ Общество Нормальной и Патологической Психологіи; такимъ образомъ Общество Экспериментальной психологіи дало начало тому движенію въ области науки психологіи, послѣднимъ звѣномъ котораго является Новый институтъ.

Сторонникамъ и представителямъ спиритуалистическаго направленія въ психологіи должно быть вдвойнѣ пріятно знать это обстоятельство такъ какъ проф. Н. П. Вагнеръ впервые отчетливо указалъ что для рациональнаго изученія психологіи необходимо считаться съ явленіями медиумизма и тѣми сверхнормальными явленіями душевной жизни, которія, за послѣднее время, носятъ собиратель-

ное названіе „психизма“ или метапсихики. Необходимость эта была Н. П. Вагнеромъ формулирована съ такою убѣдительною, что Общество Экспериментальной Психологіи, дѣйствительно, на первыхъ же порахъ своей дѣятельности, вступило на путь всесторонняго изученія явленій медіумизма.

Къ сожалѣнію слабость здоровья помѣшала Н. П. Вагнеру продолжать двигать Общество по намѣченному пути, и послѣдовавшее вступленіе въ Общество проф. Бехтерева совпало почти съ полнымъ прекращеніемъ работы Общества въ этомъ направленіи. Затѣмъ г. Бехтеревъ былъ выбранъ въ президенты Общества, которое вмѣстѣ съ тѣмъ и реорганизовалось нѣсколько на новыхъ началахъ въ Общество Нормальной и Патологической Психологіи.

Однако сѣмена посѣянные проф. Н. П. Вагнеромъ очевидно упали на почву не вполне каменистую, они не были въ состояніи улечься въ формулу „патологической психологіи“ и въ настоящій моментъ, какъ кажется должны дать всходы на болѣе благоприятной почвѣ § 1 Устава Института — на почвѣ „разработки знаній въ области психологіи“, а также „сопредѣльныхъ съ ними наукъ“.

Мы лично полагаемъ, что въ этихъ формулахъ отразился духъ незабвеннаго Н. П. Вагнера и, поэтому, съ особымъ удовольствіемъ и сердечностью привѣтствуемъ возникновеніе Института. Отъ души желаемъ молодому учрежденію и его руководителю возможно большей широты и независимости въ его изысканіяхъ. Мы желали бы видѣть ихъ совершенно свободными, отъ условностей научнаго догматизма и ищущими исключительно одной истины и правды... Все остальное тогда приложится и дѣятельность ихъ будетъ блестяща и плодотворна и дѣйствительно обогатитъ насъ новыми знаніями въ области наукъ о духѣ и о душѣ — а не будетъ простою перетасовкою старыхъ, условныхъ и отжившихъ научныхъ формулъ.

П. Чистяковъ.

БЕЗСМЕРТІЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ДУШИ.

По Тейхмюллеру

Рефератъ Б. И. Тайца, читанный на годичномъ Собраніи Русскаго Спиритуалистическаго Общества 31 Марта 1908 г.

Когда въ половинѣ прошлаго столѣтія впервые появился на свѣтъ спиритизмъ, онъ засталъ въ культурной Европѣ господство крайняго матеріалистическаго міровоззрѣнія. То были времена процвѣтанія ученій рационализма, позитивизма и шопенгауэровскаго пессизма. Эти философскія ученія, какъ извѣстно, каждое порознь и всѣ вмѣстѣ, отрицають индивидуальность человѣческой души. И вотъ, въ такое-то неурочное время неожиданно ворвалось къ намъ извѣстіе о какихъ то аномальныхъ явленіяхъ не поддававшихся обычному изслѣдованію и произведшихъ большое замѣшательство въ умахъ современниковъ.

Сперва ученые, по своему обыкновенію, отнеслись къ новымъ фактамъ пренебрежительно и недобѣрчиво; но позднѣе встревожились и открыли противъ нихъ походъ, тѣмъ болѣе, что новые факты предстали передъ публикой подъ собирательнымъ названіемъ „спиритизма“; за учеными потянулись охранители традицій, газетные репортеры и просто слабые или ограниченныя умы. На лицъ, отважившихся заглянуть въ таинственную область спиритизма нападаль всякій кто какъ умѣлъ—надъ ними глумились, ихъ осмѣивали, клеветали. Находились и такіе изувѣры, что гласно призывали полицію обуздать неугомонныхъ спиритовъ. Къ счастью и эта борьба съ человѣческимъ обскурантизмомъ какъ и во многихъ подобныхъ случаяхъ, становится въ наши дни достояніемъ исторіи. Прошло немного болѣе полвѣка и все круто измѣнилось. Благодаря обилію важныхъ открытій въ второй половинѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ XX-го вѣка въ областяхъ психологіи и естественныхъ наукъ, прежнія философскія доктрины стали усту-

пять мѣсто новымъ ученіямъ. Въ философскія изысканія вступаютъ новыя элементы, новыя научныя истины, расширяющія горизонты и дающія мысли новое направленіе. Прежнія матеріалистическія міровозрѣнія постепенно переходятъ въ область преданій. Мало того, существованіе самой матеріи, какъ вещества, подвергается нынѣ также сомнѣніямъ. Кто не помнитъ сенсацію, произведенную въ концѣ прошлаго столѣтія, новымъ направленіемъ въ естествознаніи, провозглашеннымъ съ профессорской кафедры знаменитымъ философомъ-химикомъ Оствальдомъ. Лейпцигскій профессоръ Оствальдъ энергично возстаеъ противъ общепринятой въ наукѣ механической теоріи явленій природы и настаиваетъ на замѣнѣ ее исключительно теоріею силы или энергіи. Матерія, по мнѣнію Оствальда, лишь фикція, а реальна только энергія. Въ наше время къ этому ученію, названному „энергетикою“ примкнуло уже большинство научныхъ умовъ и оно все болѣе и болѣе находитъ подкрѣпленіе въ новѣйшихъ чудесныхъ открытіяхъ напр. вновь открытаго минерала „Радій“.

Естественно, что новое направленіе въ наукѣ должно было отразиться также на и философскомъ ученіи о душѣ.

Въ качествѣ образца подобной философіи я позволю себѣ ознакомить слушателей съ содержаніемъ появившагося еще въ прошломъ столѣтіи сочиненія одного изъ русскіхъ ученыхъ, нынѣ уже покойнаго, профессора Юрьевскаго университета, Тейхмюллера. Хотя Тейхмюллеръ и отвергалъ спиритическій методъ изученія вопроса о душѣ, тѣмъ не менѣе его воззрѣнія во многомъ являются ярко спиритуалистическими и для участниковъ годичнаго Засѣданія Русскаго Спиритуалистическаго Общества, представляютъ несомнѣнный интересъ.

Такъ какъ вопросу о безсмертіи души естественно предшествуетъ другой вопросъ о существѣ самой души, какъ производящей причины душевныхъ и жизненныхъ явленій, то Тейхмюллеръ дѣлитъ свое изслѣдованіе на два отдѣла: 1) о существѣ души и 2) о ея загробной судьбѣ. Въ своемъ трактатѣ рядомъ логически-построенныхъ выводовъ, авторъ приводитъ читателя къ заключенію о высокой сте-

пени достовѣрности существованія загробнаго міра, гдѣ человекъ ожидаетъ новая форма жизни новый прогрессъ и новыя знанія.

* * *

Такъ какъ взглядъ на сущность души, говоритъ, авторъ зависитъ отъ мировоззрѣнія, то, стало быть, имѣется ровно столько взглядовъ на сущность души, сколько существуетъ мировоззрѣній. Поэтому слѣдуетъ сперва ознакомиться съ этими взглядами.

Съ душою человекъ мы знакомимся обыкновенно въ сея соотношеніи съ тѣломъ: распознаемъ душевное состояніе человекъ потому—доволенъ ли онъ или сердитъ, печаленъ или веселъ; мы всегда имѣемъ въ виду зрительное ощущеніе, выраженія его лица и жестовъ. Для насъ человекъ по столько одушевленъ, по сколько живъ. Поэтому со смертію человекъ—прекращается и его душевная жизнь. Такъ думаетъ наивный матеріалистъ и такъ думаетъ всякое дитя. Остается лишь вопросъ—какой элементъ составляетъ причину или носителя жизненныхъ и душевныхъ явленій.

Такимъ носителемъ жизни одни полагали кровь, другіе—воздухъ, а третій—огонь.

Если-бы кровь, воздухъ и огонь были носителями душевной жизни, то эти вещества въ своихъ свойствахъ, вообще, должны были бы имѣть какое-либо сходство съ душевными явленіями. Спрашивается, какъ найти химическія и физическія свойства, на примѣръ, въ вѣрѣ, въ справедливости, въ угрызніяхъ совѣсти и разныхъ другихъ душевныхъ явленіяхъ?

Несмотря на постоянный обмѣнъ веществъ въ нашемъ организмѣ, сами-то мы остаемся, однако, постоянно все тѣми-же личностями; воспоминанія наши простираются не только на ближайшее, но и на самое отдаленное время назадъ, тогда какъ тогдашнее вещество нашего тѣла уже давно исчезло. Значитъ нашу личность, наши мысли и воспоминанія нельзя приписывать смѣняющемуся веществу. Мы принуждены признать иѣчто постоянное, въ чемъ проявляется мысль и чувства, на чемъ основывается жизнь нашей личности.

Но не есть-ли душа такая-же функція мозга, какъ желчь есть функція печени? Такое сравненіе не выдерживаетъ никакой критики: желчь сама воспринимается и уловима чувствами, а духа уловить невозможно. Буддисты придумали болѣе тонкое сравненіе. Они говорятъ: какъ при

трении двухъ кусковъ дерева вылетаетъ искра, или, какъ звукъ извлекается изъ лиры, такъ и духъ происходитъ отъ тѣла. А такъ какъ искра и звукъ все еще вещественное и ихъ аналогія съ душой не убѣдительна, то греки нашли сравненіе еще болѣе тонкое. Они сравнили душу съ гармоніею, являющеюся не чувственною функціею чувственныхъ факторовъ. Гармонія не есть тотъ или другой звукъ, и не всѣ вмѣстѣ, а ихъ отношеніе другъ къ другу, которое само вовсе не вещественный предметъ, а между тѣмъ составляетъ весьма понятное основаніе музыкальнаго наслажденія. Сравненіе будетъ казаться еще яснѣе съ картиною, на которой нарисованъ знакомый пейзажъ или знакомое лицо. Если рассмотримъ картину близко, то увидимъ рядъ пятенъ и только. Разсматривая ее въ нѣкоторомъ отдаленіи мы видимъ картину близко и чувствуемъ эстетическое наслажденіе. Тоже самое можно сказать и про слова: ни въ словахъ, ни въ гласныхъ, ни въ согласныхъ звукахъ, а только въ цѣломъ словѣ содержится смыслъ. Подобныя-же сравненія дѣлаютъ и съ химическими соединеніями.

Всѣ эти приведенныя аналогіи для душевныхъ явленій суть на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ поэтическія грезы и, по правдѣ говоря, вовсе не представляютъ аналогіи. Концертъ существуетъ только для слушателей, картина для зрителей. Куда дѣвалась-бы гармонія, если-бы одна и таже субстанція, воспринимающая одинъ звукъ, не слышала и другого звука? Гдѣ было-бы пониманіе слова, если-бы всѣ звуки не были соединены и сведены къ единству смысла однимъ и тѣмъ-же слушателемъ? Какъ наслаждаться картиною, если-бы всѣ различныя впечатлѣнія красокъ не соединились въ одинъ образъ.

Всѣ эти аналогіи сводятся лишь къ тому, что бы доказать, что душа не что иное, какъ идейная функція матеріи. Функція душевной жизни приписывается спинному и головному мозгу, а мѣстопробываніе—души въ нервахъ. Такое ученіе авторъ отвергаетъ безъ малѣйшаго колебанія. Всякое сужденіе—говорить онъ предполагаетъ единство субъекта, произносящаго это сужденіе. Въ каждомъ сужденіи соединяются, по меньшей мѣрѣ, два разныхъ представленія. Когда мы говоримъ: воздухъ душентъ, роза благоухаетъ, то мы соединяемъ два представленія и вовсе не имѣемъ намѣренія мыслить „воздухъ“ самъ по себѣ, и „душный“ самъ по себѣ, а, напротивъ того, воздухъ заключаетъ въ себѣ духоту. Эта связь можетъ произойти только тогда, когда сужденіе происходитъ отъ одного и

того-же лица, связывающаго оба представленія въ единство.

Теперь посмотримъ, можетъ-ли быть подобное единство представленийъ въ душѣ, мѣстопробываніе которой въ спинномъ и головномъ мозгу. Естествоиспытатели разлагаютъ нервную систему на безчисленное множество волоконъ и клѣтокъ, которыя, въ свою очередь, опять состоятъ изъ множества атомовъ, т. е. самостоятельныхъ единицъ, расположенныхъ въ пространствѣ рядомъ другъ возлѣ друга. Отсюда ясно, что нервная система, состоящая изъ множества единицъ, не можетъ быть носительницею для духовной функціи, требующей единства, а не множественности.

Остается сдѣлать другое предположеніе, что духовная жизнь, будучи функціею мозга, объединяется въ какой-либо одной простой части мозга, и въ этой части духовная жизнь реализуется. Но и въ этомъ случаѣ требовалось-бы неперемѣнное условіе, чтобы эта часть мозга не была ни цѣлой клѣткой, ни цѣлымъ атомомъ, а только не протяженнымъ и недѣлимымъ единствомъ, которое одно только и можно назвать атомомъ или монадой въ истинномъ смыслѣ слова. Ибо коль скоро атомъ все еще будетъ матеріальнымъ, т. е. протяженнымъ, то тогда является опять множество рядомъ лежащихъ частей, ничего другъ про друга не знающихъ, а потому и не въ состояніи составить самаго незначительнаго сужденія. Духовная жизнь, а въ особенности мышленіе, которое покоится на постоянномъ сравненіи всѣхъ представленийъ, требуетъ поэтому простой субстанціи, въ которой множество существуетъ не просто другъ подлѣ друга, а другъ въ другѣ. Слѣдовательно, эта субстанція отнюдь не можетъ быть матеріальной, а только идейной.

Идеализмъ признаетъ, что вещи чувственнаго воспріятія происходятъ изъ нематеріальной субстанціи, познаваемой только разумомъ. *Нематеріальное сущее* идеалисты называютъ формою вещей или идеей, изъ которой и чрезъ которую произошла природа или матеріальное и чувственное явленіе, а уже изъ природы произошла душа и духъ, но не такъ, какъ это поучаетъ матеріализмъ, считающій душу функціею тѣла, но что идеально-реальное бытіе, предшествующее образованію тѣла, уже содержитъ въ себѣ потенціи душевной и духовной жизни и осуществляетъ ихъ во времени только послѣ полного развитія тѣла. Выходитъ такъ, что душа какъ-бы производитъ душу, а духъ порождаетъ духъ, но только путемъ превращенія въ матеріальную природу и перехода черезъ нее.

Это платоническое міровоззрѣніе также встрѣчаетъ

много затруднений; спрашивается: какъ мыслить матеріальное, протяженное въ пространствѣ—функциєю идеальнаго начала, не занимающаго никакого мѣста въ пространствѣ и не имѣющаго ни вѣса ни мѣры?

Третье міровоззрѣніе это дуализмъ или спинозизмъ. Въ ней каждую вещь можно разсматривать двояко: въ первыхъ чувственно въ матеріальномъ отношеніи; во вторыхъ интеллектуально, какъ духъ, — не различно другъ отъ друга, а какъ одно и тоже, подобно одной и той-же мысли на двухъ различныхъ языкахъ. Какъ ни остроумно это міровоззрѣніе, но вѣдь отождествленіе обоихъ принциповъ — матеріальнаго и идеальнаго — исключаетъ ихъ взаимодѣйствіе, а между тѣмъ каждому извѣстно, что матеріальныя вещи, напримѣръ, хорошій обѣдъ или стаканъ вина вызываетъ хорошее расположеніе духа; каждому также извѣстно, что наша воля есть причина тѣлесныхъ движеній, стало быть между матеріальнымъ и идейнымъ происходитъ взаимодѣйствіе.

Всѣ затрудненія, препятствующія успокоиться на указанныхъ философскихъ ученіяхъ о душѣ, какъ вы уже замѣтили, заключаются въ признаніи двухъ совершенно различныхъ другъ отъ друга субстанцій—матеріальной и идейной,—которыя во что бы ни стало, должны дѣйствовать вмѣстѣ, какъ требуетъ того опытъ; но, въ тоже время, и не могутъ ни коимъ образомъ дѣйствовать вмѣстѣ, какъ это доказываетъ безспорно логика понятія. Въ виду сего и возникаетъ вопросъ: нельзя-ли примирить непримиримое. Спрашивается—что именно побуждаетъ насъ признавать матеріальныя субстанціи? Быть можетъ этихъ субстанцій и не существуетъ вовсе? Но это обыкновенно возражаютъ: да вѣдь мы ихъ, эти матеріальныя субстанціи, видимъ, обоняемъ, осязаемъ и пр. Да, правда, мы ихъ осязаемъ и видимъ; но еще въ 18 столѣтіи Кантъ, а задолго до него и греческіе мудрецы напоминали намъ, что то, что мы видимъ суть не болѣе какъ зрительныя воспріятія, и то, что мы осязаемъ, суть осязательныя воспріятія, такъ и всѣ чувственные объекты являются намъ въ опытѣ только какъ наши воспріятія. Инстинктивнымъ умозаключеніемъ переносимъ мы свои представленія наружу и восбражаемъ себѣ, что мы видимъ, осязаемъ или слышимъ самыя матеріальныя предметы. Новая фізіологическая оптика и патологія указываютъ повсюду, на сколько ложно подобное предположеніе. Черныя точки внутри ткани своего глаза считаемъ мы за огромные черныя образы на ландшафтѣ вѣдь насъ; и если мы, какъ въ извѣстной дѣтской игрушкѣ,

приведемъ въ быстрое вращательное движеніе такъ или иначе изогнутую простую проволоку, то намъ будутъ казаться стаканы или бутылки разнообразной формы въ состояніи покоя. Точно также всѣ наши опытные представленія о матеріальномъ мірѣ суть не что иное, какъ образы, которые порождаются въ нашей душѣ по необходимымъ законамъ, но которые не даютъ намъ ни малѣйшаго права на заключеніе, будто предметы и внѣ насъ существуютъ такъ, какъ мы ихъ видимъ, слышимъ, или осязаемъ, совершенно также, какъ будто и земля дѣйствительно стоитъ неподвижно и будто солнце на самомъ дѣлѣ на столько мало, какъ оно намъ кажется, а мѣсяцъ, какъ будто дѣйствительно убываетъ и прибываетъ.

Признавая мнимый матеріальный міръ просто за міръ представленій авторъ, тѣмъ не менѣе, вовсе не желаетъ этимъ отрицать реальность міра внѣ насъ. Онъ отрицаетъ лишь его матеріальность, составляющую только наше представленіе. Онъ также не намѣренъ и духовной субстанціи придать какую либо матеріальность, а лишь утверждаетъ, что духовная субстанція представляетъ въ себѣ реальный міръ подъ видомъ матеріальныхъ предметовъ. Но матеріальность вовсе не свойственна субстанціямъ, а существуетъ какъ необходимая, всеобщая и естественная форма, подъ которой мы приобретаемъ въ опытѣ знаніе о другихъ объектахъ, т. е. о другихъ субстанціяхъ внѣ насъ находящихся. Такимъ образомъ получаютъ уже не два сорта міровъ, а только одинъ съ подраздѣленіемъ субстанціи лишь по степени ея развитія. Это мировоззрѣніе Тейхмюллеръ называетъ четвертымъ мировоззрѣніемъ.

Такъ какъ четвертое мировоззрѣніе имѣетъ большую связь съ ученіемъ нѣмецкаго философа Лейбница, то, въ видѣ подкрѣпленія тезисовъ нашего автора, позволю себѣ напомнить здѣсь сущность воззрѣній на міръ этого философа. Лейбницъ, какъ извѣстно, отрицаетъ теорію атомовъ, т. е. недѣлимость частицъ матеріи, — теорію, провозглашенную впервые греческимъ мудрецомъ Демокритомъ за 500 лѣтъ до нашей эры. Въ самомъ дѣлѣ: если атомы тѣлесны, то слѣдовательно ихъ свойство, — протяженность въ пространствѣ; но протяженность, какъ бы ни была мала, не исключаетъ дѣлимости. Если и трудно себѣ представить раздѣленіе таинственнаго атома механически, то все же это возможно математически. Разъ атомъ тѣлесный — очевидно, онъ не можетъ быть простымъ, недѣлимымъ. Простота, недѣлимость свойственна лишь духовному, а не тѣлесному, вещественному бытію. Отсюда прямой выводъ, что корень и

основаніе тѣлеснаго бытія заключается въ духовномъ. Это положеніе подкрѣпляется еще и тѣмъ, что подлиннымъ состояніемъ тѣлъ признается ихъ движеніе; покой—не что иное, какъ задержанное, скрытое движеніе, а движеніе есть проявленіе силы движущей. Сила, стало быть, и есть сущность тѣлъ. Кромѣ того, основное свойство тѣлъ—это непроницаемость, а непроницаемость тоже что сопротивленіе, т. е. опять-таки дѣйствіе силы. И такъ, сила, а не матерія, и есть истинное свойство тѣлъ. Дѣйствительно, только и сила можетъ быть мыслима, какъ простое, недѣлимое бытіе, а тѣла суть не что иное, какъ агрегаты, т. е. механическое соединеніе простыхъ недѣлимыхъ силъ, самыя же силы—это подлинныя субстанціи, по Лейбницу, монады. Такимъ образомъ ясно, что протяженіе, т. е. матеріальное бытіе есть только явленіе, нѣчто кажущееся, призрачное, а не подлинное существованіе.

По ученію Лейбница природа всѣхъ вещей одинакова и различается въ каждомъ существѣ, въ каждой вещи не качественно, не по существу, а только по степени своего проявленія. Первое и самое основное опредѣленіе этой природы состоитъ въ томъ, что она есть сила. Всякая сила, по причинѣ своей простоты и недѣлимости, индивидуальна, т. е. всецѣло заключена въ самой себѣ и не можетъ отдѣляться отъ себя. Ясно, что и душа наша также есть индивидуальность безусловно заключенная въ самой себѣ и не способная отрѣшиться отъ себя, выступить изъ самой себя.

Ученіе Лейбница, отрицающее реальность матеріальнаго міра нашло послѣдователей въ лицѣ такихъ корифеевъ, какъ Кантъ, Шопенгауэръ, а въ наши дни, какъ мы уже знаемъ, въ лицѣ Оствальда и его школы. По этому тезису Тейхмюллера получаютъ особый вѣсъ и значеніе.

Но вернемся къ трактату нашего автора.

При разборѣ предъидущихъ мировоззрѣній, было доказано, что душа есть единая идейная субстанція, что она самобытная причина, а не простая дѣятельность или функція. Если же душа есть самобытная причина, то она сама изъ себя должна производить воздѣйствіе. Въ этихъ дѣйствіяхъ или функціяхъ и состоитъ ея существованіе. Напротивъ того, функція безъ субстанціи невозможна, какъ невозможенъ виноградъ безъ лозы. Значитъ, выраженіе „мозгъ думаетъ“ „мозгъ чувствуетъ“ подобно тому, если-бы сказали „скрипка играетъ“ а не музыкантъ. Безъ музыканта скрипка оставалась бы нѣмою, а безъ души мозгъ пересталъ бы мыслить у ощущать.

Что касается до бытія, то хотя оно и не раздѣльно отъ души, однако обладаетъ различными формами, одна изъ коихъ есть сознание, подъ которымъ мы разумѣемъ все, что намъ самимъ отчетливо извѣстно за обыкновенную жизнь души. Но эта часть жизни, т. е. сознание, не смотря на то, что содержитъ въ себѣ самую цѣль жизни, однако, по сравненіи ея со второй частью, т. е. съ бессознательною частью жизни — является лишь маленькою дробью цѣлаго. Эта вторая, наибольшая часть нашей душевной, но бессознательной жизни, остается намъ невѣдомой, и мы узнаемъ объ ней только путемъ умозаключеній. Душа не только продолжаетъ существовать во время сна, какъ мы это замѣчаемъ при пробужденіи, но и производитъ въ сновидѣніяхъ образы, поднимающіеся изъ потока бессознательной тьмы. Мало того, бессознательное играетъ въ насъ главную роль и при ясно сознаваемой дневной жизни. Какъ мало мыслей сознаемъ мы въ каждое мгновение: всѣ онѣ, словно изъ темной шахты, вылѣзаютъ во время изъ бессознательнаго, изъ нашей памяти и духовной творческой силы.

Изъ сказаннаго мы видимъ, что функція души, захватывающая самую обширную область, находится въ бессознательномъ бытіи. Поэтому въ функціи души мы должны различать двѣ формы: одна изъ нихъ содержитъ только сознательное, готовое, ограниченное, измѣримое, исчислимое; другая-же форма содержитъ не исчерпаемое и не истощимое основаніе сознательныхъ созданий духа.

И такъ, душа, какъ субстанція, функционируетъ частью бессознательно, частью сознательно. Однако, для этихъ функцій, какъ дѣйствій, мы должны искать причины, ибо, безъ причины душа не могла-бы и дѣйствовать. Эти причины, которыя даютъ душѣ возможность функционировать, какъ это указываетъ здравый смыслъ и научное изслѣдованіе, очевидно, суть наше тѣло и возбужденія, дѣйствующія на него изъ внѣшняго міра. И, такимъ образомъ, отъ вліянія тѣла зависитъ функція души, но не самое существованіе души. Это выраженіе можно еще формулировать слѣдующимъ образомъ: наша душевная жизнь есть функція души, вызванная тѣлесными возбужденіями. Душу можно сравнить со струнами рояля, въ которомъ внѣшній міръ, съ помощью человѣческаго тѣла, составляетъ, какъ-бы клавишъ, вызывающій тѣ или другіе звуки.

Нѣкоторымъ можетъ показаться, что въ только что сказанныхъ словахъ какъ-бы проглядываетъ идея матеріализма. Для ихъ успокоенія можно къ сказанному прибавить, что, не смотря на господствующее, повидимому, по-

ложе́нiе тѣла въ отноше́нiи къ душѣ, — тѣмъ не менѣе оно остается покорнымъ слугою души и ея творе́нiемъ. возбу́жде́нiе воли приводитъ наши ноги въ движе́нiе, мысль поднимаетъ вѣки и направляетъ мускулы головы, желанiе, — мгновенно поднимаетъ лежащее тѣло и уноситъ его съ мѣста. Тѣло — самый непрекословный слуга, повинующийся по одному отгадыванiю, не получивъ даже прямого приказанiя. Тѣло — наше творе́нiе, ибо, само по себѣ оно ни къ чему не способно и безъ души тотчасъ-же должно безпомощно погибнуть. Мы управляемъ собою сами, благодаря посредничеству тѣла, подобно возницамъ, которые хорошо заботятся о лошадаяхъ и тѣмъ самымъ дѣйствуютъ въ своихъ интересахъ, въ пользу собственнаго передвиженiя. Тѣло, однако, всегда остается только случайною формою природы, и какъ оно произошло изъ отдѣльныхъ элементовъ, такъ, оно постепенно опять распадается на элементы, вслѣдствiе противодѣйствующихъ интересовъ прочихъ силъ природы.

Такъ какъ конечная цѣль настоящаго изслѣдованiя доказать безсмертiе человѣческой души, то все до сихъ поръ изложенное должно служить только длиннымъ введенiемъ къ короткому заключенiю.

Здравый смыслъ человѣка рѣшительно отвергаетъ загробный мiръ, какъ не воспринимаемый чувствами и не обнаруживаемый фактами опыта. Мы видимъ самымъ достовернымъ образомъ, что люди умираютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекращается и душевная ихъ жизнь по скольку она обнаруживается чрезъ тѣло. Какъ-же иначе судить здравымъ смысломъ и какъ не полагать душу или духъ столько же мертвымъ, какъ и тѣло? Такъ судить здравый смыслъ при поверхностномъ взглядѣ на вопросъ; однако, при болѣе, внимательномъ его разсмотрѣнiи тому-же здравому смыслу не трудно также понять и односторонность этого сужденiя. Человѣкъ въ состоянiи проявлять себя, свои мысли и чувства для другихъ только черезъ тѣло и его жизненную дѣятельность, — проявлять ихъ либо звуками, либо другими знаками; однако, онъ можетъ, въ тоже время, мыслить и чувствовать противоположное тому, что онъ обнаруживаетъ словами. Отсюда видно, что слѣдуетъ отдѣлять жизнь для себя отъ жизни для другихъ; но жизнь для себя, помимо нашей воли, такъ устроена, что ничего нельзя объ ней узнать иначе, какъ въ самомъ себѣ. Мы часто слышимъ жалобы отъ людей, что они не въ состоянiи показать то, что у нихъ происходитъ на душѣ. Ясно, что здравомыслие судить о душѣ односторонне, именно, только о жизни ея

для другихъ, для которыхъ со смертью тѣла душа безслѣдно исчезаетъ. На основаніи того, что сейчасъ было сказано, нельзя, однако, не согласиться, что жизнь можетъ существовать и сама для себя, хотя она и не дается въ чувственномъ опытѣ. Эта истина можетъ быть подтверждена путемъ аналогіи. Наприм.: мы слушаемъ скрипача-виртуоза, мы видимъ его движенія по струнамъ и восхищаемся его игрой. Но, по несчастной случайности, скрипка разбилась, виртуозъ пересталъ быть для другихъ музыкантомъ, но слѣдуетъ-ли отсюда, что онъ пересталъ быть музыкантомъ также и для себя самого? Очевидно, музыкантъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ раньше, хотя для другихъ этого и не видно.

Естествоиспытатели давно уже утверждаютъ, что субстанція или атомъ имѣетъ свойство не уничтожаться, а стало быть такое-же свойство принадлежитъ и душѣ, которая, на основаніи четвертаго мировоззрѣнія, также вѣдь субстанція или атомъ. Разница заключается лишь въ томъ, что такое безсмертіе, какое обѣщаютъ естествоиспытатели, не можетъ насъ удовлетворить, ибо рѣчь у нихъ идетъ только о безсмертіи безсознательномъ, а такое безсмертіе, какъ, наприм., вѣчный сонъ, не имѣетъ для насъ никакой цѣны, если нѣтъ личнаго сознательнаго безсмертія, т. е. самой себя сознающей личной жизни.

Такъ какъ всякому явленію въ природѣ предшествуетъ причина, то разъ причина познана, она уже даетъ возможность научнаго воззрѣнія на явленіе. Наприм., историки могутъ предсказывать въ общихъ чертахъ, ожидаемая форма правленія какой нибудь націи, врачъ можетъ напередъ опредѣлить теченіе болѣзни, а эстетики могутъ предвидѣть психологическое развитіе характера драмы. — И такъ, если будетъ указано и по отношенію къ дальнѣйшему существованію души послѣ смерти одинъ или нѣсколько законовъ, по которымъ, вообще, все въ мірѣ управляется и за которыми, слѣдовательно, должно быть признано безусловное значеніе, а за симъ, изъ этихъ законовъ вывести заключеніе, то такое заключеніе должно получить высокую степень вѣроятности и даже мало отличаться отъ спокойнаго убѣжденія.

Въ видахъ восстановленія законовъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, авторъ указываетъ на четыре принципа, первый изъ коихъ, на основаніи четвертаго мировоззрѣнія, заключается въ слѣдующемъ: въ мірѣ существуютъ только индивидуальныя субстанціи, и если только ихъ существованіе ограничивается явленіями физическими, химическими

и органическими т. е. явлениями бессознательнаго существованія, то такія субстанціи именуются атомами. Если-же субстанціи обнаруживаютъ также сознание и самосознание, то онѣ именуются душами.—Поэтому все происходящее въ мірѣ бываетъ либо въ одной индивидуальной субстанціи въ ея бытіи для себя, либо во многихъ субстанціяхъ, образующихъ между собою общеніе и взаимодѣйствіе, чѣмъ и выражается способъ ихъ существованія. Отсюда мы видимъ, что ни человѣкъ, ни лошадь, ни государство не есть живая субстанція; это только образъ жизни многихъ вещественныхъ и духовныхъ единицъ, живущихъ въ нихъ. Но когда эти самобытно-живущія существа, благодаря какимъ-либо вліяніямъ, вступаютъ между собою въ инныя отношенія чѣмъ прежде, то это приводитъ прежнее явленіе къ разрушенію, а въ приведенномъ примѣрѣ—къ разрушенію человѣка, лошади или государства; при чемъ, однако, перемѣна способа проявленія этихъ субстанцій отнюдь не угрожаетъ ихъ собственному существованію.

Второй принципъ тотъ, что міръ развивается въ цѣлесообразномъ порядкѣ отъ несовершеннаго къ совершенному. Доказательствомъ служить опытъ: человѣкъ и животное образуются изъ несовершеннаго начала, растеніе развивается изъ незрѣлага, несовершеннаго состоянія; ранніе періоды жизни земли были менѣе совершенны чѣмъ послѣдующіе и, наконецъ, самая всемірная исторія указываетъ, что человѣческое общество на землѣ постоянно добравается отъ варварскихъ начатковъ до высшаго, свободнаго господствующаго положенія. Порядокъ состоитъ повсюду въ послѣдованіи извѣстнымъ законамъ, а познание порядка могло быть пріобрѣтено только послѣ познанія этихъ законовъ. На этомъ-же основаніи и отказались нынѣ отъ признанія свободы воли, которую, въ благородномъ порывѣ выдумалъ и громко проповѣдывалъ рационализмъ: добро и зло не считаются болѣе дѣломъ одной только личности, но, отчасти, и всего общества, а потому добро и зло также не подлежатъ произволу и беспорядку, какъ и все въ природѣ.

Третій принципъ содержитъ въ себѣ общепризнанное положеніе, что каждое дальнѣйшее развитіе совершается черезъ еще ранѣе развитшееся; всякая ступень развитія служитъ условіемъ къ дальнѣйшей ступени развитія. Чтобы получить пшеницу или рожь, не стануть мѣшать ихъ элементы: углекислоты, водорода, кислорода и т. д. Изъ этихъ элементовъ никогда не получится колоса, а берутъ ближайшую предъидущую ступень—зерно, которое, въ свою

очередь, есть также нѣкоторое развитіе. Въ исторіи, какъ и въ политикѣ и воспитаніи мы также привыкли къ тому, чтобы ожидать позднѣйшихъ плодовъ развитія изъ развитія ихъ естественныхъ основаній.

Четвертый принципъ гласитъ, что не можетъ быть утѣряно ничего изъ пріобрѣтеннаго душою жизненнаго содержанія, какъ воспріятіе, чувство, желаніе, представленіе, понятія и все прочее не только ставшее сознательнымъ, но также и то, что никогда еще не достигало сознанія. Противъ этого принципа обыкновенно возражаютъ, ссылаясь на фактъ забвенія; но забвеніе вовсе не есть доказательство потери, а лишь доказательство того, что въ данный моментъ нѣтъ посредничества между недостающимъ представленіемъ и нынѣшнимъ сознаніемъ. Какъ часто бываетъ, что мы не можемъ вспомнить того или другого событія, но если только другой напомнимъ намъ хотя намекъ, то казавшееся забытымъ десятки лѣтъ внезапно опять приходитъ въ сознаніе. Въ возраженіяхъ противъ этого принципа приводятъ еще и патологическій опытъ, что иные больные часто забываютъ прошлыя событія, но и это не можетъ служить доказательствомъ забвенія, ибо тѣ же скорбные листы рассказываютъ, что къ выздоравливающимъ возвращаются воспоминанія, значить, утрачены не были. Эти патологическія состоянія лишь доказываютъ, что здоровое состояніе мозга образуетъ существенное условіе для нашей способности къ воспоминанію и не потому, конечно, чтобы воспоминанія сидѣли въ мозгу, а потому, что наша душа, единственная носительница всѣхъ представленій, функционируетъ только подъ вліяніемъ мозга, какъ и скрипачъ можетъ играть только тогда лишь, когда скрипка въ надлежащемъ состояніи, хотя его искусство не сидитъ въ деревѣ или въ струнахъ скрипки. Забытыя представленія подобно предметамъ, которыми хотя и владѣемъ, но не знаемъ куда заложили, однако мы увѣрены, что когда нибудь опять ихъ найдемъ.

Указанные четыре принципа, раньше чѣмъ придти къ заключенію необходимо дополнить слѣдующими тремя фактами. Впервыхъ—фактомъ человѣческаго несовершенствова. Чѣмъ болѣе знакомишься со всѣми духовными благами, какими обладаетъ наше время, тѣмъ болѣе понимаешь безконечныя бѣдствія, со всѣхъ сторонъ обложившія и почти удушающія насъ. Человѣческій родъ почти совсѣмъ заглохъ подъ логическими, моральными, социальными и эстетическими бѣдствіями. Незнаніе и заблужденіе стали, можно сказать, правиломъ, знаніе-же нынѣ подобно слабому свѣту

факела въ ночи. Не говоря уже о громадномъ числѣ людей, которыя только перенимають и перебалтываютъ то, что открыли немногіе самостоятельныя умы, но даже и воззрѣнія величайшихъ изслѣдователей нашего времени высоки и удивительны лишь по отношенію къ предъидущему незнанію, но вовсе не сами по себѣ, если ихъ сравнить съ тою частью міра, о которой пока дознаны только самыя пустяки и которая еще ждетъ своего изслѣдователя.

Когда взглянемъ на нравственную, общественную и политическую сторону жизни, то увидимъ прежде всего, враждебное разединеніе людей, каждое мгновеніе разражающееся кровавою ссорой; повсемѣстныя жалобы на социальныя вопросы, наконецъ, внутреннее раздвоеніе въ которомъ живутъ люди. Съ увѣренностью можно утверждать, что наше время стоитъ не на свѣтлой вершинѣ, но еще глубоко внизу, въ „долинѣ скорби“ по элегическому выраженію поэта.

Второй фактъ тотъ, что требованіе прогресса во всѣхъ областяхъ жизни и стремленіе подняться все выше—доказываетъ безконечную возвышенность человѣческаго духа. Худо только то, что въ это развитіе постоянно вступаютъ новые элементы, не участвовавшіе въ предъидущей ступени развитія, а именно, вновь нарождающіеся люди. Кто-же не знаетъ, что и души нынѣшнихъ дѣтей обладаютъ такою-же природой, что и души дѣтей за тысячи лѣтъ. Всѣ люди постоянно должны начинать сначала и добиваться для себя того-же самаго нравственнаго развитія, какое приходилось продѣлывать ихъ предкамъ. Поэтому оказывается среди всеобщаго движенія всеобщій покой. Мы не входимъ за предѣлы своего вида. Человѣчество постоянно сидитъ въ одномъ и томъ-же классѣ училища. Мы вовсе не имѣемъ основанія считать нашихъ предковъ въ нравственномъ отношеніи ниже себя. Не только наши предки, но и нынѣ живущіе цивилизованные люди слѣдуютъ одному и тому-же закону самосохраненія. Можно даже сказать, что наибольшая часть всякаго варварства появилась позже, именно, вслѣдствіе избытка народонаселенія, социальной нужды и порчи. Вѣдь ни въ одномъ родѣ дикихъ животныхъ нѣтъ столько варварства относительно своихъ сородичей, какъ еще и доннѣ у цивилизованныхъ народовъ. По рассказамъ, что ни годъ, то повторяется среди путниковъ, по пустыннымъ степямъ, канибальство. Человѣчество состоитъ изъ однѣхъ индивидуальныхъ душъ: каждая изъ нихъ образуетъ особенную, въ себѣ заключенную субстанцію, съ собственнымъ центромъ, оттого всякая и обладаетъ своимъ

счастьемъ или несчастьемъ. И если-бы даже человѣчество все развивалось до безконечности, все-же невозможно наступленіе когда нибудь продолжительной удовлетворенности, даже и при совершенной цивилизаціи.

Такою индивидуальною природою души объясняется то, что каждая душа должна имѣть желаніе безконечнаго продленія жизни, если только эта жизнь не изъ рукъ вонъ плоха. Такое желаніе распространено повсюду на землѣ. Это — третій фактъ.

Левитаціи медиума Цуккарини.

(Окончаніе).

Медиумическія личности.

Однажды вечеромъ Паскаль, повидимому, былъ расположенъ поболтать и разсказалъ намъ исторію своего товарища Джона, умершаго брата медиума; братъ этотъ, Фредерикъ, былъ убитъ на 21-мъ году своей жизни! Послѣ этихъ словъ у насъ послѣдовалъ моментъ трагическаго изумленія и мы попросили разъясненій; но трагической эффектъ тотчасъ же былъ значительно ослабленъ, такъ какъ слово „убить“ указываетъ лишь на степень раздраженія медиума противъ доктора, который зараженными инструментами оперировалъ горло его брата Фридерика; смерть явилась слѣдствіемъ этой операціи. Пользуясь медиумичностью своего брата, Фридерикъ управляетъ сеансами и помогаетъ брату въ производствѣ феноменовъ; онъ выдаетъ себя за Джона для того, чтобы не волновать брата. Все это конечно передается Паскалемъ. Въ дѣйствительности же должно быть такъ: ни Джонъ, ни Паскаль не существуютъ, и все дѣло сводится просто къ самовнушенію.

Медиумъ, будучи въ нормальномъ состояніи, разсказалъ намъ какъ однажды ночью, когда онъ былъ въ постели, къ нему явился призракъ этого „Джона“; сначала въ углу комнаты образовался свѣтящійся паръ, который, сгущаясь, принялъ неясныя очертанія человѣческой фигуры, приблизившейся къ его постели: перепуганный медиумъ закрылъ глаза и спрятался подъ одѣяло, но фигура стащила одѣяло и прошептала какія-то невнятные слова. Медиумъ увѣряетъ, что онъ былъ въ бодрственномъ со-

стояніи, и что видѣніе сильно его напугало. Таковъ разсказъ г. Цуккарини... Я привелъ это обстоятельство какъ доказательство, что медиумъ — субъектъ въ высокой степени нервный. Нижеслѣдующій фактъ, разсказанный самимъ медиумомъ, является подтвержденіемъ перваго: иногда — еще до его женитьбы — мать приходила его будить, и находила его въ углу комнаты закутаннымъ въ простыни, при чемъ онъ самъ не могъ объяснить, какъ онъ туда попалъ: субъектъ сомнамбулическій, это — несомнѣнно.

Впрочемъ, въ доказательство сильной нервной чувствительности Цуккарини, скажу еще, что онъ не выноситъ электрическаго тока даже очень слабого.

Феномены акустическіе и свѣтовые.

Акустическіе феномены, получаемые въ присутствіи медиума, очень просты:

Иногда, въ то время, какъ онъ держитъ руки своихъ контролеровъ и слегка пожимаетъ ихъ, одновременно съ каждымъ пожатіемъ слышатся стукъ или скрипъ, исходящіе изъ деревянныхъ стѣнокъ кабинета или изъ внутреннихъ ставней окна, — по крайней мѣрѣ это такъ кажется.

Вотъ, наконецъ, мы дошли до свѣтовыхъ феноменовъ. Въ послѣдній вечеръ опытовъ, къ концу сеанса, въ то время, какъ медиумъ — надъ нимъ разумѣется продолжался самый бдительный надзоръ — повидимому дремалъ, на половину окутанный занавѣской, мы увидѣли въ воздухѣ по ту и другую сторону занавѣски, тоже на разстояніи нѣсколькихъ метровъ, десять или двѣнадцать свѣтящихся точекъ, каждая величиною въ свѣтляка, съ такимъ же зеленоватымъ, хотя и не колеблющимся, свѣтомъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что видѣли мы ихъ всѣ въ одно время и въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Иногда точка гасла, не мѣняя мѣста, другая, наоборотъ, описывала изогнутую линію оставляя за собой въ воздухѣ свѣтящейся слѣдъ. Во все время этого страннаго феномена надзоръ за медиумомъ не прекращался: послѣдняя свѣтящаяся точка появилась позади занавѣски у медиума, этотъ послѣдній головой привелъ ее въ круговращательное движеніе и заставилъ ее описать свѣтящейся кругъ.

Мы съ г. Чипріяни отмѣтили легкой запахъ озона, который ощущался въ значительной степени.

Никто не подумаетъ надѣясь, чтобы эти свѣтящіяся точки производились бросаніемъ медиумомъ маленькихъ

кусочковъ, фосфора. Какимъ образомъ могъ бы онъ это сдѣлать, когда его руки и ноги находились подъ строжайшимъ контролемъ? И какъ могли бы мы не замѣтить куски фосфора на столѣ и на полу потомъ, такъ какъ мы оставались въ темнотѣ еще минутъ 20? Эти маленькія свѣтящіяся пятна имѣли совершенно такой видъ, какой при извѣстныхъ условіяхъ принимаетъ электричскій разрядъ въ безвоздушныхъ трубкахъ, такъ прекрасно описанныхъ профессоромъ Рейтъ (Right): а извѣстно, что электричскій разрядъ въ воздухѣ производитъ запахъ озона.

Стремленіе къ истинѣ — вотъ цѣль нашей дѣятельности, и это единственная цѣль, которой долженъ задаваться человекъ. Истина неотразимо влечетъ къ себѣ, но тотъ, кто къ ней стремится, осужденъ на постоянное исканіе, ему никогда не суждено знать покоя, такъ какъ въ тотъ моментъ, когда кажется, что истина достигнута, становится вполне ясно, что за ней нужно идти еще дальше. Нельзя подраздѣлять истину на двѣ категоріи и объ одной изъ нихъ умалчивать изъ боязни послѣдствій.

Если мы не должны бояться истины нравственной, то у насъ еще меньше основанія пугаться истины научной. Нравственность и наука — двѣ совершенно самостоятельныя области, которыя соприкасаются, но не смѣшиваются. Первая чувствуется, вторая доказывается; одна открываетъ намъ цѣль жизни, другая даетъ средства къ достиженію этой цѣли.

Цвѣтущая жизнь брызжетъ всюду, куда только попадетъ зародышъ жизни; въ вѣковомъ движеніи поколѣнія слѣдуютъ за поколѣніемъ, внося новую свѣжую силу. Каждая новая истина, приобретаемая человекомъ, является лучомъ новаго интеллектуальнаго свѣта.

Д. Мурани.

Отчетъ профессора Л. М. Патриdzi.

Когда я услышалъ о летающемъ медиумѣ, то рѣшился дать свое согласіе посмотрѣть на него поближе, сохраняя разумѣется, при этомъ все недовѣріе официальнаго ученаго — рѣшился я главнымъ образомъ изъ уваженія къ авторитету и безпристрастію человека меня приглашавшаго, а затѣмъ ради пріятнаго общества, собирающагося на эти опыты. Отвѣчая на любезное приглашеніе я заявлялъ, что я охотно приму участіе въ опытахъ если ихъ

возможно будетъ произвести въ біологической лабораторіи, пользуясь новѣйшими аппаратами для изслѣдованія; кромѣ того, я просилъ разрѣшенія методически обследовать медиума субъекта дѣйствительно необыкновеннаго или по крайней мѣрѣ казавшагося таковымъ. Редакція „*Coggiere della Sera*“ позволила мнѣ выполнить мою программу въ предѣлахъ возможнаго; за что я приношу ей мою живѣйшую признательность.

И вотъ Амедей Цуккарини изъ Болоньи, „субъектъ для левитацій“, какъ его назвали, на два дня сдѣлался гостемъ физиологической лабораторіи въ Моденѣ для того, чтобы быть тщательно изслѣдованнымъ, съ помощью цѣлой серіи антропометрическихъ и физиологическихъ аппаратовъ и приборовъ.

Здѣсь не мѣсто передавать мельчайшія подробности антропологическаго физиологическаго и психологическаго изслѣдованія, произведеннаго надъ г-мъ Цуккарини, который все время въ теченіи допроса и внѣшняго осмотра держался съ рѣдкостной кротостью и терпѣніемъ; вообще г-нъ Цуккарини отличается прирожденными изящными манерами. При изслѣдованіи не остался забытымъ ни единый уголокъ его личности. Достаточно будетъ коротко указать результаты этого осмотра. Даже помимо странной медиумической способности едва ли можно оспаривать анатомическія и функциональныя аномаліи у этого субъекта. Его нервное лицо по всей вѣроятности представляетъ собою лицо истерика; можно даже предположить, что по ночамъ у него бывають явленія эпилептическаго характера: еще въ дѣтствѣ мать нерѣдко находила его утромъ не въ постелѣ, а закутаннаго въ одѣяло въ углу комнаты, куда онъ попадалъ неизвѣстно какимъ образомъ. Нижняя часть лѣвой половины лица его развита больше правой. что замѣтно даже на фотографическомъ снимкѣ, къ этой ассиметріи присоединяется еще разница въ зрительныхъ функціяхъ обѣихъ глазъ; онъ лѣвша, верхніе его конечности, по сравненію съ туловищемъ чрезмѣрно развиты (ширина распростертыхъ рукъ равняется одному метру 71 сантиметръ; а высота тѣла—одинъ метръ 60 сант.); болевая чувствительность (отъ электрическаго алгометра) оказывается вообще значительно пониженной... Всѣ эти признаки служатъ видимымъ указаніемъ ненормальности организма; ко всему этому можно еще прибавить предрасположеніе къ галлюцинаціямъ, привычку громко разговаривать во снѣ; сознаніе не подавлено, но ослаблено; онъ съ трудомъ сосредоточиваетъ на чемъ-либо вниманіе и оно

быстро утомляется. Характеръ медиума, мягкой и добрый, стоять въ прямомъ противорѣчїи съ явленїями этого невроза, не могущаго конечно дать человѣку ни счастья, ни покоя.

Такого рода тщательная экспертиза, произведенная надъ медиумомъ, послужила намъ не только для опредѣленїя его индивидуальности, но кромѣ того, дала намъ возможность быть болѣе прозорливыми и предусмотрительными при провѣркѣ того спеціальнаго положенїя, въ которомъ онъ долженъ былъ передъ нами предстать. Прежде всего намъ пришлось въ голову, что молодой болонецъ, благодаря необычайной силѣ и ловкости мускуловъ, достигаетъ чудеснаго, поразительнаго летанїя при помощи какаго-нибудь секретнаго гимнастическаго прїема. Подозрѣнїе это, однако, скоро разсѣялось, измѣренїе, произведенное въ лабораторїи при помощи различныхъ аппаратовъ — цѣль которыхъ онъ угадать не могъ и которые во всякомъ случаѣ открыли бы обманъ—показало, что мускульная сила ногъ и рукъ медиума ниже нормы.

Это измѣренїе было произведено съ помощью эргографа, затѣмъ профессоръ Патриджи знакомить насъ — при помощи диаграммъ — какъ варьируетъ величина правой руки медиума, въ нормальномъ его состоянїи, при различныхъ впечатлѣнїяхъ, вызываемыхъ въ немъ различными фразами, произносимыми съ этой цѣлью. Эти графическіе знаки были получены при помощи особаго рода измѣрительной перчатки, представляющей собой легкое измѣненїе плетизмографа профессора Моссо, предназначеннаго для автографическаго регистрированїя на закованной бумагѣ вращающагося цилиндра, невидимыхъ уменьшенїй и увеличенїй объема руки отъ циркуляціи крови. Мы вспоминаемъ, что эти аппараты употреблялись съ большою тонкостью можетъ быть даже черезчуръ большою — ассистентами знаменитаго профессора Тамбурины, докторами Феррари и Гюнчіарди, при изученїи невольныхъ сжиманїй, вызываемыхъ „внутреннимъ“ въ рукѣ „чтеца мысли“ Джона Дальтона — ученика Пикмана. Въ настоящемъ случаѣ примѣненїе этихъ аппаратовъ для обследованїя медиумическихъ способностей Цуккарини, представляетъ интересъ только второстепенный. Поэтому мы прямо перейдемъ къ описанїю профессоромъ Патриджи положенїя тѣла медиума въ тотъ моментъ, когда этотъ послѣдній собирается „взлетѣть“.

...Оставляя свои руки съ согнутыми пальцами въ рукахъ двухъ „контролеровъ“, но отнюдь не ища у нихъ точки опоры, медиумъ долго всей тяжестью своего, наклоненнаго впередъ, тѣла опирается на одну ногу, тогда

какъ другая нога, совершенно пассивная, согнутая подъ неправильнымъ угломъ, образованнымъ голенью и бедромъ, свободно откачивается, откидывается назадъ. Въ этой „предлетательной“ позѣ медіумъ часто съ силой которую въ немъ трудно предположить, сжимаетъ наши руки, скрипитъ зубами, стонетъ, вздыхаетъ, дуетъ, пока наконецъ наступаетъ очень короткая пауза полного молчанія,— какъ будто вдругъ остановилась шумящая машина; затѣмъ ноги, видимые благодаря свѣтящимся полоскамъ на нихъ поднимаются вверхъ въ пространство, при чемъ онѣ все время вдрагиваются; руки же наши, не придавленные, и на оборотъ— увлекаемыя вверхъ руками медіума, ощущаютъ одновременно, что все его тѣло поднимается.

Продолжительность его висѣнія въ воздухѣ не одинакова, она колеблется между 4—30 единицами; для опредѣленія времени въ темнотѣ мы шопотомъ считали. Въ это время разстояніе между ногами медіума и поверхностью стола бываетъ приблизительно отъ 5 сантиметровъ до полу-метра.

Спускается медіумъ быстро, поспѣшно; иногда же тяжело падаетъ на обѣ ноги прямо на столъ, или же вырываясь изъ нашихъ рукъ, самымъ опаснымъ образомъ опрокидывается (напр. когда вспышка магнія поражаетъ его подобно сильному электрическому разряду) на коверъ медіумическаго кабинета; въ послѣднемъ случаѣ наблюдается сильнѣйшая контрактура мышцъ всего тѣла медіума и оно какъ бы подбрасывается нервными толчками; руки плотно сжимаютъ притянутыя къ животу колѣни, голова запрокинута назадъ, мускулы шеи натянуты, какъ веревки; глаза и зубы крѣпко сжаты, дыханіе глубокое и шумное, лобъ покрытъ потомъ, пульсъ слабый, но учащенный (на одномъ сеансѣ число ударовъ доходило до 102 и даже до 120), и онъ тихо стонетъ. Сознаніе однако не затемнено. Нѣкоторое время спустя послѣ подобнаго припадка. Цуккарини, хотя вѣсколько и утомленный былъ однако способенъ совершать новый подъемъ. Какъ въ періодъ транса, такъ и во время самага феномена, медіумъ почти не разговаривалъ, хотя участники не рѣдко окликали его. Онъ предпочиталъ общаться съ нами при помощи условныхъ пожатій рукъ; когда же онъ рѣшался прибѣгнуть къ голосу, то голосъ его выходилъ почти беззвучнымъ: онъ шепталъ какое нибудь серьезное изреченіе какъ будто бы онъ не хотѣлъ идти въ разрѣзъ съ внушеніемъ доктора Паскаля и съ его суровой доктриной. Понятно, что лица, которыя увидятъ всѣ фотографія,

Моментъ левитаціи медіума Цуккарини

(по фотографіи).—С.м. текстъ стр. 29).

снятия нами во время сеансовъ, даже и не обладая особымъ критическимъ чутьемъ отмѣтить, что лѣвая нога Цуккарини должна была находить за занавѣской какую то точку опоры. Вотъ это то мысль не замедлила явиться и у насъ, въ особенности у профессора Мурани и у меня. Однажды вечеромъ дѣйствительно, мы обвинили въ сообщничествѣ съ медиумомъ двѣ тоненькія дощечки, поставленныя въ видѣ консолей* въ углу окна хотя башмакъ медиума немогъ до нихъ даже и коснуться, что и было констатировано впоследствии; въ другой разъ подобное обвиненіе было возведено нами на спинку оставшагося за занавѣской стула, съ котораго медиумъ былъ быстро перенесенъ на столешницу; у насъ же явилось смутное подозрѣніе, не схватываетъ ли медиумъ лѣвой рукой свободный край занавѣски, прикрѣпленной на противоположенномъ концѣ, и, сдѣлавши нѣчто въ родѣ узла, ставить туда лѣвое колѣно и опирается на него въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ всей тяжестью своего тѣла. Но желѣзный пруть къ которому была прикрѣплена занавѣска не скрипѣлъ въ тотъ моментъ, когда происходилъ подъемъ, опытъ удался даже тогда, когда палочки были вынуты изъ окна, стулъ отодвинуть по просьбѣ самаго медиума и наконецъ подъемъ совершился и тогда, когда медиумъ согласился совсѣмъ удалиться отъ занавѣски.

При подъемѣ изображенная на фотографіи, занавѣска оставлена только для того что-бы служить фономъ для вознесенія нашего Цуккарини, такъ какъ между нимъ и медиумическимъ кабинетомъ по меньшей мѣрѣ цѣлый метръ разстоянія: обѣ ноги на рисункѣ замѣтно выдаются впередъ, хотя изображеніе нѣсколько неясно благодаря конвульсивному дрожанію всѣхъ членовъ медиума и свѣтящимся пряжкамъ. На изображеніи фиг. 3-й зарегистрированной двойнымъ объективомъ стереоскопическаго аппарата, схваченъ тотъ же моментъ, что и на предыдущимъ снимкѣ; мы ее воспроизводимъ для того, что-бы читатель съ помощью надлежащаго стереоскопа могъ видѣть сцену въ рельефѣ и въ особенности для того, чтобы онъ могъ убѣдиться на сколько медиумъ былъ удаленъ отъ занавѣски.

Моментъ опыта, изображенной на (фиг. 4*)—къ несчастью не удалось получить съ него стереоскопическихъ изображеній—хотя и кажется доказательнымъ, но мнѣ могутъ

*) Въ нашемъ журналѣ приводится снимокъ сдѣланной только по этой—№ 4—фотографіи, какъ наиболѣе рельефной по нашему мнѣнію. *Ред.*

возразить, что субъектъ сдѣлалъ прыжокъ, опираясь на руки обоихъ контролеровъ, или по меньшей мѣрѣ, что слѣва отъ себя онъ нашелъ поддержку въ моей правой ногѣ:

Если бы вмѣсто снимка изображающаго всѣхъ лицъ на одномъ планѣ, возможно бы было и на этотъ разъ представить стереоскопическую фотографію, позволяющую уяснить себѣ рельефы и разстоянія, мнѣ не пришлось бы просить вѣрить мнѣ на слово, а также не пришлось бы заявлять, что кулакъ медіума не соприкасался ни съ какой другой частью моего тѣла, кромѣ правой руки.

„Безсознательная поддержка медіума со стороны участниковъ цѣпи!“ Вотъ гипотеза, которую не трудно предвидѣть при обсужденіи феномена и гипотеза эта, конечно, представлялась намъ прежде, чѣмъ она явилась у читателя—скептика.“

Мы прекрасно знали и заранѣе предупредили тѣхъ членовъ кружка, которые не были біологами по ихъ профессіи, объ томъ, что концентрація, нашего вниманія въ ожиданіи грандіознаго феномена, можетъ привести въ исключительное напряженіе мускулы нашихъ рукъ,—такъ что мы совершенно, невольно представили бы крѣпкій рычагъ для предполагаемой гимнастической виртуозности Цуккарини. Слѣдовательно, мы были на сторожѣ. Но это оказалось совершенно излишней предосторожностью, потому что, одновременно съ левитаціями медіума, мы чувствовали, что руки наши устремлялись скорѣе книзу, чѣмъ кверху; давленіе на нихъ, вмѣсто того чтобы увеличиваться, уменьшалось и исчезало; снимки 2 и 3 доказываютъ, что руки медіума, ровно какъ и руки обоихъ контролеровъ, были вытянуты, а не согнуты, что исключаетъ всякую возможность подъема тѣла на рукахъ протянутыхъ параллельно. Это доказываетъ также, что опредѣленныхъ подпорокъ не было никакихъ, также какъ отсутствовало и то напряженіе мускуловъ, которое неизбѣжно совершается при подъемѣ тѣла.

Не слѣдуетъ забывать также, что медіума, вѣсившаго 67 килограммъ (18-го марта, фізіологическая лабораторія вѣсъ этотъ зарегистрировала и сохраняла почти безъ измѣненія), никакъ нельзя сравнить съ соколомъ, который садится на наши руки и легко съ нихъ спархиваетъ; для того, чтобы поднять такую тяжесть кверху, понадобилось бы значительное усиліе опытнаго акробата, усиліе это неизбѣжно отразилось бы на обоихъ контролерахъ толчкомъ, который не ускользнулъ бы отъ нашего осязанія и

мускульной чувствительности, хотя бы онѣ были и ослаблены продолжительностью сеанса и утомленіемъ. Слѣдовательно, не могло быть и рѣчи о движеніи, которое возможно бы было объяснить законами животной механики...

Терминъ „матеріальный экстазъ“ прекрасно и подошелъ бы къ описываемому феномену, если бы фигура молодого медиума стояла передъ нами прямо, безъ соприкосновенія съ руками другихъ смертныхъ, стремясь къ небу выраженіемъ глазъ, душой и самимъ тѣломъ, совершенно какъ изображеніе святыхъ у алтаря. Но видъ г-на Цуккарини во время левитации, нужно сознаться, далеко не граціозенъ и невнушительенъ; въ немъ мало экстатического и полное отсутствіе эстетики; можно съ увѣренностью сказать, что никогда и никакой живописецъ не выберетъ его моделью для изображенія Вознесенія или Успенья; во всемъ его существѣ чувствуется усиліе съ какимъ онъ производитъ чудо, въ усиліи этомъ иногда бывало даже, что то отчаянное. Честный и скромный чиновникъ въ обыденной жизни, онъ является только смиреннымъ и простосердечнымъ служителемъ апопоеза. У него мы какъ то спросили: извѣстны ли ему пути, которыми онъ достигаетъ такого поразительнаго результата и не подвигаютъ ли его къ небу призраки его руководителей? Знаменитая „левитация“ Евзапіи у доктора Жоржа Финци въ Миланѣ въ присутствіи Шарля Рише и профессора Броферию была приписана,—какъ ею самой такъ и присутствовавшими,—духу „Джона“, который, заявивъ „я несу медиума на столъ, взявъ его подъ руку, охватилъ за талію и однимъ прыжкомъ перенесъ ее и поставилъ на столъ вмѣстѣ со стуломъ.—Брофферію „Le Spiritisme“, 3-е изданіе стр. 193). Цуккарини же хотя и не полагалъ, что его духи, „Доросъ и Паскаль“, увлекаютъ его въ конечный полетъ, тѣмъ не менѣе не проситъ ихъ поддерживать его подъ мышки для того чтобы тянуть его кверху, какъ это дѣлаетъ Евзапія съ своимъ духомъ—покровителемъ; по счастью Цуккарини склоняется къ гипотезѣ полу-физиологической: какъ то въ трансѣ, ударяя себя по лбу указательнымъ пальцемъ, онъ говорилъ о чемъ то, что исходитъ изъ мозга въ задней части черепа (?).

Читатели скептики, помнящіе мой первоначальный скептицизмъ и прослѣдившіе описаніе столькихъ предсторожностей и столькихъ сомнѣній, конечно уже поняли, что убѣжденіе въ реальности феноменовъ у меня устанавливалось медленно и съ трудомъ. Изъ четырехъ сеан-

совъ, въ которыхъ я принималъ участіе, я могу сказать что только послѣдній, 23-го марта, далъ мнѣ полную увѣренность.

Намъ могутъ возразить, что предварительныя пространныя обследованія нѣсколько не соотвѣтствовали сокращеннымъ обследованіямъ произведеннымъ на нѣкоторыхъ сеансахъ, когда намъ дѣйствительно пришлось ограничиться нѣсколькими медицинскими наблюденіями констатированіемъ въ общихъ чертахъ самаго феномена и преведеніемъ въ дѣйствіе фотографическихъ аппаратовъ. Но не слѣдуетъ забывать, насколько трудно подвергать особу медиума скучнымъ и болѣзненнымъ приемамъ въ тѣ моменты когда онъ съ усиліемъ проявляетъ свою дѣятельность.. и въ особенности въ темнотѣ. Я проэктировалъ примѣнить къ медиуму нѣкоторыя фізіологическіе аппараты какъ автоматическій контроль и съ цѣлью опредѣлить природу энергіи, исходящей изъ организациі медиума есть ли это энергія механическая, термическая электрическая, свѣтовая или лучистая?.. Но тогда пришлось бы отказаться отъ всякаго подробнаго, систематическаго изысканія, при чемъ и въ будущемъ на успѣхъ надежды было мало. Медиумы эти специально тренируются для производства опредѣленныхъ феноменовъ—далеко не тѣхъ, которые бы болѣе поддавались точному анализу при экспериментахъ; съ этимъ народомъ всегда рискуешь возвратиться въ лабораторію ни съ чѣмъ, неся обратно только свои проэкты, да инструменты.

Далѣе авторъ приводитъ случай многочисленныхъ левитацій свѣтыхъ и другихъ лицъ, о которыхъ упоминается въ исторіи и по этому поводу говорить слѣдующее:

„Разъ доказано, что при извѣстныхъ условіяхъ и для извѣстныхъ субъектовъ экстаической подъемъ возможенъ какъ конкретная реальность и что это не всегда выдумки или извращеніе истины, то невропатологамъ предстоитъ открыть въ полетѣ этихъ аскетовъ особый фізіологическій механизмъ, и прежняя гипотеза, что экстазъ будто бы есть галлюцинація должна быть отброшена, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ специальныхъ случаевъ!“

М. Л. Патрози.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ К. Л. МЕНЬШОВА.

Арбатъ, Никольскій переулокъ, домъ № 31
1908.